

УДК 93

А. С. Стыкалин

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

Новая работа по истории церковной политики советского государства

Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917 – 1930-е гг.): источниковедческое исследование. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. – 232 с.

Стыкалин Александр Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

Ведущий специалист

Российский государственный архив социально-политической истории

125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Новая работа по истории церковной политики советского государства // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 375–381. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

Рецензия поступила в редакцию 28.05.2025.

Аннотация

Рецензируется источниковедческое исследование, в котором предпринята попытка установить информативную ценность и границы применения такого исторического источника, как архивно-следственные дела. В более конкретном плане речь идет о делах по обвинению духовенства РПЦ в анти-советской деятельности в 1917 – 1930-е гг. При всем обилии в судебных делах недостоверной информации, связанной с фабрикацией обвинений, этот источник дает представление о методах проведения государственной религиозной политики и государственно-церковных отношениях на ранних этапах советской власти, позволяет дополнить новыми фактами биографии репрессированных священнослужителей, включая видных церковных иерархов, расширяет наше знание о церковно-приходской жизни, в том числе о социально-бытовых

ее сторонах, о повседневной жизни духовенства и верующих в рассматриваемый период истории. Принципиально новый этап в церковной политике Советской власти, требующий самостоятельного изучения, начался в сентябре 1939 г. С включением в состав СССР в 1939–1940 гг. новых территорий Восточной Европы с обилием православного населения, сильным духовенством, большим количеством православных храмов надо было выстраивать церковную политику с учетом изменившихся условий.

Ключевые слова

Историческое источниковедение, судебно-следственные дела, Русская православная церковь, церковная политика Советской власти в 1917 – 1930-е гг., репрессии против духовенства.

Рецензируемая монография носит, как явствует уже из ее названия, источниковедческий характер. Автор задается вопросом о возможностях использования документов судебно-следственного производства (и в первую очередь наиболее информативной их части – протоколов допросов) в качестве источника по изучению религиозной политики советского государства с 1917 г. по конец 1930-х гг. Следует сказать, что к судопроизводственным делам как к историческим источникам отечественные исследователи многократно обращались и на материале других эпох в истории России (времена Ивана Грозного, дело декабристов, репрессии против народовольцев и т. д.), важно иметь, однако, в виду, что сама судопроизводственная практика, ее юридические основы на протяжении веков существенно изменялись, соответственно варьируются и методы исследования. В любом случае обращение к этому источнику ставит перед исследователями вопрос о его информативной ценности и границах применения. Автор обращает внимание на сложность анализа судебно-следственных дел, требующего серьезной источниковедческой критики для вычленения достоверной информации. Здесь пролегает и грань между подходами юристов и историков к одному и тому же материалу, о которой тоже не стоит забывать. Если оформление, техника ведения судебно-следственных дел относятся к проблемам юридической науки, то для историка эти дела важны и интересны именно своей информационной насыщенностью, выявление которой составляет главную задачу исторического источниковедения.

Вопрос об информативности этого источника не прост. Важно иметь в виду, что не только в годы «большого террора» 1937–1939 гг., но и раньше (в том числе и в период гражданской войны 1918–1920 гг.) задачу установления в ходе следствия объективной информации о подследственных лицах следственно-судебные органы зачастую и не ставили перед собой, перед ними стояла совсем иная цель – выявления и нейтрализации (иногда и прямого уничтожения) реальных и потенциальных врагов режима. Т. е. речь шла не столько о расследовании, сколько о фабрикации судебных дел. В соответствии с поставленной задачей дела фабриковались по определенной технологии, со временем менявшейся и достигшей своего наивысшего «совершенства» при проведении больших показательных московских процессов 1936–1938 гг., когда активные участники (и даже многолетние лидеры) российского коммунистического движения публично оговаривали себя, признаваясь со сцены в не совершенных ими преступлениях. После Второй мировой войны эта кровавая технология экспортируется и в страны «народной демократии», находившиеся в советской сфере влияния (процесс антиюгославской направленности по делу Л. Райка в Венгрии в 1949 г. был наиболее наглядным тому свидетельством, давшим все основания не только западным, но и югославским наблюдателям назвать СССР «страной, экспортирующей виселицы»). В приведенных в рецензируемой работе документах, характеризующих правовые представления тех юристов, кто непосредственно обслуживал эту систему, иногда прямо говорилось о том, что революционная целесообразность – это единственный источник правотворчества, господствующий над всеми законами и тем самым упраздняющий самый принцип законности. Как показано в монографии, следствием «господства революционного правосознания» было то, что многие священники подвергались необоснованным арестам по обвинению в контрреволюционных действиях, которые они не совершали. Впрочем, такие установки судебной системы не всегда открыто декларировались, ибо это могло подорвать социальную базу новой власти. Автор обращает внимание на двойственный подход Советского государства к реализации религиозной политики, выражавшийся в том, что, с одной стороны, на законодательном уровне провозглашались демократические принципы, закрепленные в том числе в Конституциях РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. и гарантировавшие на словах свободу религии и религиозной проповеди. А с другой – параллельно закладывались основы для проведения репрессивных мер по отношению к духовенству, обвинявшемуся в контрреволюционных действиях, часто безосновательно.

Таким образом, вышеуказанный источник зачастую больше информирует о методах фабрикации следственных дел, чем о реально содеянном, т. е. давшем основания для предъявления обвинений. На основе этого источника трудно реконструировать и факты биографии тех лиц, что проходили по следственно-судебным делам, ибо они искажались в соответствии с априорной концепцией следствия. Поскольку показания как обвиняемого, так и свидетелей нередко содержат заведомо недостоверную информацию, они требуют комплексной проверки, сопоставления с другими источниками. Наличие в протоколах допросов массы недостоверной информации, связанной в первую очередь с политическими обвинениями и интерпретацией свидетелями фактов в нужном следователю ключе, тем не менее не исключает определенной информативной ценности данных документов. Они не только дают представление об обстоятельствах ареста и методах ведения следствия, но и содержат определенные сведения о судьбах репрессированных. Что касается документов, проанализированных в рецензируемой монографии, они показывают методы реализации государственной религиозной политики и государственно-церковные отношения в рассматриваемый исторический период, позволяют дополнить новыми фактами биографии репрессированных священнослужителей, включая видных церковных иерархов, содержат сведения о церковно-приходской жизни в первые десятилетия советской власти, в том числе о социально-бытовых ее сторонах, о повседневной жизни духовенства и верующих в период 1917 – конца 1930-х гг. Помимо всего прочего, анализ состава привлекаемых свидетелей (например, по делам, относящимся к периоду коллективизации) помогает глубже изучить социальный состав и профессиональную структуру сельского населения в тех или иных районах большой и этнически неоднородной страны. Именно во всем вышесказанном состоит ценность данного типа источника, а не в представлении лжесвидетельств о том, что подсудимые зачастую не совершали. Как справедливо замечает автор, формулируя поставленные перед собой задачи, рассмотрение следственных дел в контексте происходивших в изучаемый период социально-политических процессов позволяет выявить изменения в практике ведения следствия и установить их причины, а также показать влияние проводимых в жизнь решений в области религиозной политики на судьбы конкретных людей – прежде всего священнослужителей Русской православной церкви. Анализируемый тип источника демонстрирует, что следственно-судебная практика применительно к представителям РПЦ в целом была направлена на проведение курса, исходившего из априорной установки о контрреволюционности

Русской православной церкви и духовенства. Документы судебно-следственных дел в отношении духовенства свидетельствуют о бесправном положении обвиняемых, заведомо объявлявшихся классово чуждым элементом.

Хотя в течение всего рассматриваемого периода РПЦ воспринималась как принципиальный противник советского государства, политика корректировалась в зависимости от конкретных условий. При этом переход к НЭПу в 1921 г. отнюдь не означал либерализации церковной политики, достаточно вспомнить о кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей, преследованиях и аресте патриарха Тихона, организации внутрицерковного раскола (кстати, в работе можно было бы и чуть поподробнее рассказать об обновленчестве как о способе разложения РПЦ и орудии борьбы с церковной иерархией и сохранявшим верность его линии духовенством). Все-таки в период НЭПа репрессии по большей части касались неуступчивой иерархии, и поскольку сохраняла актуальность задача налаживания определенной смычки с деревней, активная репрессивная политика в отношении местного духовенства не была приоритетной целью для специальных органов. К слову, автор обращает внимание на случаи, когда население принимало активное участие в судьбе арестованных священников, ходатайствуя об их освобождении.

«Переломный» 1929 г., несомненно, сказался и на положении РПЦ, стал определенной вехой и в церковной политике Советского государства. Все-таки об установке на тотальный террор едва ли можно говорить и применительно к этому времени. 1930-е гг. не были чем-то однородным и в церковной политике, в том числе и с точки зрения масштабов репрессий. Годы «большого террора» можно выделить как нечто совершенно особое, нанесшее колоссальной силы удар по духовенству. О масштабах репрессий можно судить среди прочего по многотомной Православной энциклопедии, где опубликовано большое количество статей (с портретами) о священнослужителях, уничтоженных большевистской властью в 1937–1938 гг. Фактически был перебит весь цвет российского духовенства. Другой вопрос, насколько были эффективными эти репрессии с точки зрения вытеснения религиозного сознания. Так, например, один из наиболее выдающихся иерархов РПЦ первой трети XX в. уроженец Бессарабии митрополит Арсений (Стадницкий), прошедший заключение и затем сосланный в Ташкент для выполнения функций митрополита Ташкентского и Среднеазиатского, мог служить лишь в небольшой кладбищенской церкви (либо на открытом воздухе неподалеку),

ибо все другие православные храмы в большом городе были закрыты и даже разрушены. Как бы то ни было, на его богослужения, продолжавшиеся вплоть до его кончины в 1936 г., как известно из воспоминаний, стекались большие толпы даже в городе чуть ли не на 90 % мусульманском, и это после многолетних притеснений РПЦ. Когда задумываешься о реальных масштабах репрессий в отношении представителей РПЦ, тем более чудовищными кажутся звучащие сегодня из уст некоторых священнослужителей дифирамбы в адрес «государственника» Сталина, к числу «заслуг» которого иногда даже цинично относят прибавление количества мучеников, признанных РПЦ. Может быть, в работе стоило бы чуть подробнее, насколько позволяют доступные сегодня российским исследователям источники, остановиться на судьбах православного духовенства в условиях массового голода в разных регионах страны (не в последнюю очередь на Украине, но также и в российском Черноземье, на Северном Кавказе и т. д.), вызванного политикой, направленной на осуществление форсированной коллективизации. Вопрос о том, имела ли проводившаяся политика свою национальную подоплеку, уже не одно десятилетие, как известно, является предметом ожесточенных споров российских и украинских историков.

Новый этап в церковной политике Советской власти, который уже выходит за хронологические рамки рецензируемого исследования, начался в сентябре 1939 г. С включением в состав СССР новых территорий с обилием православного населения, сильным духовенством, большим количеством православных храмов надо было выстраивать церковную политику (не только в новых регионах, к которым летом 1940 г. прибавились Прибалтика и Бессарабия, но и в масштабе всей РПЦ) с учетом изменившихся условий. Эта тема требует отдельного изучения.

Еще одно частное соображение. Довольно сложная система оформления судебно-следственных дел в Советской России (а с 1922 г. в СССР), о которой получаешь представление из работы Е. Ю. Нуйкиной, не могла возникнуть на пустом месте; несмотря на все идеологические различия, не могла не существовать, очевидно, какая-то преемственность с системой дореволюционной, и многие из тех, кто осуществлял при советской власти революционное правосудие, имели юридическое образование, полученное до революции. Может быть, будущие исследователи смогли бы показать эту преемственность на конкретных примерах.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

A. S. Stykalin

New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State // *Slavic Almanac*. 2025. No 3–4. P. 375–381 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.18

Received: 28.05.2025.

Abstract

The reviewed work attempts to establish the information value and limits of application of such a historical source as archival investigative files. More specifically, the research is based on the cases of accusations against the clergy of the Russian Orthodox Church of anti-Soviet activities in 1917 – 1930s. Despite a lot of unreliable information related to the fabrication of charges, this source gives an idea of the methods of implementing state religious policy and state-church relations in the early stages of Soviet power, allows us to add new facts to the biographies of repressed clergy, including prominent church hierarchs, and expands our knowledge of various aspects of everyday church-parish life in the period of history under consideration. A fundamentally new stage in the church policy of the Soviet government, requiring independent study, began in September 1939. With the inclusion of new territories of Eastern Europe with an abundance of Orthodox population, strong clergy, and a large number of Orthodox churches into the USSR in 1939–1940, it was necessary to build church policy taking into account the changed conditions.

Keywords

Historical source studies, judicial and investigative cases, Russian Orthodox Church, church policy of the Soviet government in 1917 – 1930s, repressions against the clergy.